

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 321.6/8; 323.2

РАСПАД ГОСУДАРСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

В.Ю. КРАВЧЕНКО*Днепропетровский
национальный университет
им. Олеся Гончара, Украина**e-mail: Darkliths@rambler.ru*

Определяются специфика и актуальные закономерности трансформации природы современного политического насилия в условиях кризиса и распада государства. Проанализированы главные аналитические подходы к проблеме взаимозависимости политического насилия в несостоявшихся государствах и разрушения монополии на легитимное применение силы.

Ключевые слова: политическое насилие, трансформация, слабые и недееспособные государства, международная безопасность, легитимность.

Общепризнанным является тот факт, что значительное количество современных транснациональных угроз и рисков поступают из неудачных и неуправляемых государств. Современная история человечества дает нам достаточное количество эмпирического материала. От полного краха государственных институтов в Сомали и распада бывшей Югославии, к глубокому политическому кризису, насилию и нестабильности в Руанде, Гаити, Либереи, Конго, Сьерра-Леоне, Афганистане. В рамках политической науки такие тенденции привели к значительному распространению концепций слабых, гибнущих и неудачных государств (*weak, failing, failed*), которые рассматриваются в качестве одного из основных источников современного политического насилия, нестабильности и угроз.

Изучению данного вопроса в политической науке, так или иначе, свои работы посвятили Р. Лем, Р. Гайс, Д. Тюрер, Р. Ротберг, Дж. Розенау, Г. Хеллман, С. Ратнер А.С. Орбелян, М. Минаев и Ф. Попов. Большинство из этих исследователей согласны с тем, что можно говорить о разной степени государственной слабости и недееспособности, а, следовательно, отличается и уровень потери государственной монополии на легитимное насилие. Распространение недееспособных государств пришлось на 90-е годы XX века и было связано с появлением новых государств, быстрой сменой границ, общей нестабильностью и усилением процессов глобализации. По поводу этого Дж. Розенау заявляет о бифуркации тогдашней мировой политики, что привело к стремительному формированию новых негосударственных акторов, которые начали на свое усмотрение использовать силовые инструменты и формировать новые модели политической легитимности¹. Кризис легитимности слабых государств, проявляется в том случае, когда их институты не способны поддерживать общественно-политическое доверие и больше не признаются обществом в качестве основного источника власти. Л. Эдвардс небезосновательно считает, что нетрадиционные

¹ Rosenau J.N. Governance in the twenty-first century // Global Governance. 1995. № 1. P. 13-43.

модели легитимности политического насилия, скорее всего, основаны на отношениях покровительства и клановости, которые значительно отличаются от принципов рационально-правовой модели предложенной М. Вебером². В недееспособных и неудачных государствах кризис легитимности подрывает систему конструктивной связи между институтами государства и обществом, ослабляет государство и приводит к росту насилия. Так происходит из-за формирования новых источников легитимности, между которыми возникает конфликт, который не позволяет установить приемлемые правила игры.

Популяризация концепции «государств-неудачников» началась в 1993 году благодаря докладом М. Олбрайт в рамках ООН, в которых она одной из первых подчеркнула специфику угроз, источником которых могут быть такие государственные образования. В дальнейшем, к данной проблеме обратились американские исследователи Г. Хелман и С. Ратнер, которые в 1993 году в своей работе «Сохранение несостоятельности государств» выступали за передачу ООН права осуществлять управление неуправляемыми территориями в любой точке мира. В их понимании недееспособные государства не в состоянии поддерживать функционирование своих жизненно важных институтов и структур, а значит, несут в себе угрозу, как для собственных граждан, так и для международного сообщества³. Одна из первых попыток проанализировать и обосновать зависимость между коллапсом государства и формированием на его территории новых субъектов политического насилия была сделана Уильямом Зартманом в работе «Крах государства», которая была опубликована в 1995 году. Он описал упадок государства, как ситуацию, когда оно больше не может выполнять большинство своих жизненно важных функций⁴.

В дальнейшем углубленное изучение данной проблематики было осуществлено американским исследователем К. Пауэллом, для которого недееспособность и слабость государства проявлялась в том случае, если его институты не могут и/или не желают обеспечивать граждан основными благами. В таком случае, государства могут прекратить свое существование во всем кроме названия, и все члены общества окажутся перед угрозой анархического, неконтролируемого и частного насилия⁵.

В настоящее время в политической науке отсутствует единое видение проблемы неудачной государственности и порожденных этим фактом угроз. Значительное количество исследователей соглашались с тем, что сила и дееспособность государства является относительным понятием, которое почти невозможно адекватно измерить, а поэтому лучше осуществлять анализ поддержания основных функций: уровня физической безопасности, законных политических институтов, социального обеспечения. Большое количество государств имеют существенные недостатки в функционировании одного или двух уровней, но о полном коллапсе государства можно говорить при условии провала государства по всем трем направлениям.

Начало систематических исследований проблемы трансформации политического насилия под влиянием ослабления института государства связывают с деятельностью американского Центра по глобальному развитию (Center for Global Development), создание которого стало ответом на террористические акты 11 сентября 2001 года. Выбор исследователями Центра, в качестве предмета исследования, слабых и недееспособных государств обусловлен тем, что в начале XXI века их стали рассматривать в качестве главного источника распространения бедности, политического насилия и экстремистских движений (идеологий). Кроме уже упомянутого Центра по глобальному развитию, сегодня существует несколько других ведущих исследовательских центров (как международных, так и национальных), занимающихся изучением проблемы политического насилия и слабых государств:

1. Американский Фонд мира (Fund for Peace), который вместе с журналом «Foreign Policy» с 2005 года ежегодно публикует «Показатель неудачных государств».
2. Центр по изучению кризисных государств (Crisis States Research Center).
3. Центр оборонной информации США (Center of Defense Information).
4. Всемирный Банк (World Bank).

² Эдвардс Л. Государственное строительство в Афганистане: случай свидетельствующий о наличии ограничений? // Международный журнал Красного Креста. 2011. № 880-881. С. 114.

³ Helman G. Ratner S. Anarchy rules: Saving Failed States // Foreign Policy. 1992. Vol. 89. № 3. P. 4.

⁴ Zartman W. Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority. London, 1995. P. 304.

⁵ Cojanu V., Popescu A. Analysis of Failed States: Some Problems of Definition and Measurement // The Romanian Economic Journal. 2007. № 25. P. 115.

5. Департамент международного развития Великобритании (the United Kingdom's Department for International Development).

6. Комиссия США по национальной безопасности и слабости государств (the Commission on Weak States and US National Security).

7. Агентство по международному развитию (United States Agency of International Development – USAID), которое в 2005 году предложило два понятия, которые лучше всего характеризуют специфику политического насилия в условиях слабой государственности:

- кризисные государства (crisis state) – Судан, Сальвадор, Афганистан, Сьерра-Леоне;

- уязвимые государства (vulnerable state) – Индонезия, Македония, Сербия.

Также, существует целый ряд других академических и государственных аналитических центров, которые, так или иначе, посвятили свои исследования неудачным государствам. Так, в 2008 году Институт Брукинга предложил «Индекс государственной слабости развивающихся стран», который был призван дать оценку способности государств выполнять свои базовые функции и предупреждать распространение политического и уголовного насилия. Почти в этот же период университет Джорджа Мейсона разработал «Индекс хрупкости государств»⁶, а университет Мэриленда – «Индекс нестабильности, мира и конфликтов»⁷, которые ранжировали государства в соответствии с уровнем угрозы политического насилия. Современные аналитические центры все чаще подчеркивают, что государства со слабым или отсутствующим управлением неспособны контролировать свои границы, что позволяет транснациональным преступным и террористическим группировкам использовать их территорию для расширения собственных сетей. По данным исследователей университета Мэриленда, с 1991 по 2001 годы большинство террористических организаций базировались на территориях слабых и бедных авторитарных государств⁸. В частности, Аль-Каида пользовалась территории Йемена, Кении, Судана, Афганистана. На этих территориях размещались тренировочные лагеря, осуществлялось рекрутирование новых членов, планировались и финансировались операции.

Все эти исследовательские и аналитические центры стремились создать систему показателей, по которым то или иное государство можно было бы отнести к категории неудачных. Проанализировав разработанные ими индексы оценки нам удалось выделить наиболее распространенные признаки неудачных государств :

- высокий уровень политического и уголовного насилия;
- отсутствие эффективного контроля над целостностью собственных границ;
- длительное этническое и религиозное вооруженное противостояние;
- постоянный террор против гражданских лиц;
- слабость, неэффективность и коррумпированность государственных институтов;
- разрушение социальной и стратегической инфраструктуры;
- упадок системы здравоохранения;
- снижение продолжительности жизни и быстрый рост детской смертности;
- отсутствие доступа к образованию;
- стремительный рост инфляции, снижение уровня ВВП, голод.

Как мы можем увидеть, провал государства и превращения его в источник насилия и опасности зачастую вызван тремя группами кризисов: экономическими, политическими и кризисом легитимности официальных властей. Экономический кризис вызван неэффективным клановым управлением и массовой коррупцией, нарушением социальных прав граждан и снижением уровня жизни. Политический аспект системного кризиса государства, прежде всего, проявляется в пренебрежении власти к демократическим нормам, ценностям и институтам, ликвидацией гражданского общества и независимости судебной системы, дискриминацией широких масс населения. Это приводит к быстрому падению легитимности власти и мобилизации граждан против существующего несправедливого режима, что становится причиной роста угрозы военного насилия, поскольку законность больше не является приоритетом для участников политического процесса.

⁶ Marshall M. Global Report on Conflict, Governance and State Fragility 200 // Foreign Policy Bulletin. 2007. № 1. P. 5.

⁷ Hewitt J., Gurr T.R. Peace and Conflict 2008: Executive Summary. Maryland, 2008.

⁸ Stewart P. Weak States and Global Threats: Assessing Evidence of «Spillovers» // The Center for Global Development. 2006. № 73. P. 13.

Результатом многочисленных аналитических исследований и докладов, разработанных представителями указанных исследовательских центров и институтов, стало понимание того, что государства с такими проблемами должны стать объектом пристального внимания исследователей всего мира, учитывая то, что они обладают значительным «потенциалом» для дестабилизации целых регионов. Специфика функционирования субъектов политического насилия в неудачных государствах приводит к гуманитарным катастрофам, массовой миграции, деградации окружающей среды, региональной нестабильности, энергетическому кризису, глобальным пандемиям, международной преступности, торговли оружием, террористической деятельности.

Государства, отнесенные к неудачным или недееспособным превращаются в главных кандидатов для внешних интервенций, как со стороны других государств, так и – международных организаций. Концепция «государств-неудачников» превратилась в главный источник легитимизации, обоснования и оправдания превентивного насилия. Одно из первых обоснований такой идеи нашло свое место в принятой в 2002 году американской Стратегии национальной безопасности⁹. В данном документе феномен неудачной государственности рассматривается в качестве главного источника политической нестабильности и насилия в современном мире. Уильям Коэн, заместитель министра обороны США, неоднократно заявлял, что Соединенные Штаты будут вынуждены в одностороннем порядке вступать в военное противостояние с государствами-неудачниками каждый раз, когда они будут угрожать американским жизненно важным интересам. В таком случае, государства-неудачники будут определяться на основе национальной юрисдикции отдельного государства, что не можно считать объективной и независимой оценкой. Подтверждением такого одностороннего анализа в современном мире являются слова Роберта С. Литвака: «Государства-неудачники это государства определены Соединенными Штатами такими»¹⁰.

Главными последствиями коллапса и распада государства является рост масштабов насилия и смертности среди гражданского населения, повышение военных расходов, потеря социального и финансового капитала и падение уровня экономического роста. Это можно назвать внутренними эффектами. К региональным эффектам следует отнести перетекание насилия через границы государства, гражданские войны и региональную нестабильность. Согласно последнему исследованию Всемирного банка, в государствах, имеющих общую границу с недееспособными государствами, показатель экономического роста, в среднем, на 1,6% ниже, чем у государств, которые не имеют общих границ с такими нестабильными образованиями¹¹. Все чаще мы можем наблюдать распространение глобальных эффектов от существования неудачной и недееспособной государственности. Поскольку мир становится все более взаимозависимым, глобальные угрозы, поступающие с территории таких государств, приводят к расширению глобальных террористических и преступных сетей. Глобализация повысила риск развертывания политического насилия, источником которого становятся неудачные и слабые государства. Но отличительной чертой такого процесса является то, что насилие и нестабильность не ограничиваются только территорией таких государств, а становятся глобальной угрозой для всех участников международной системы и тормозят глобальное экономическое развитие. Неспособность слабых государств контролировать собственное территориальное пространство приводит к тому, что они превращаются в центры террористической деятельности, международной преступности, незаконной торговли оружием, наркотиками, людьми.

По данным Департамента международного развития Великобритании к неудачным и слабым государствам, в различных частях мира, можно отнести 46 стран с населением около 870 миллионов человек¹². Но следует понимать, что для отнесения того или иного государства в эту категорию важнейшими являются три признака: невозможность обеспечить безопасность; неспособность удовлетворить базовые потребности собственного населения; отсутствие легитимной власти. В последнее время, такое положение вещей все чаще становится причиной распространения различных форм политического насилия с большим количеством погибших среди гражданских лиц и потерей контроля над

⁹ National Security Strategy of the United States of America, 2002 // [Electronic resource]. Regime to access: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html>

¹⁰ Деррида Ж. Существуют ли государства-мошенники? // Логос. 2003. № 1 (36). С. 26.

¹¹ Cojanu V., Popescu A. Analysis of Failed States: ... P. 117.

¹² Ibid. P. 118.

значительной частью территории государства (Судан, Сомали, Демократическая Республика Конго, Либерия, Ангола). Именно поэтому, Г. Хеллман и С. Ратнер, заявляют, что определяющим признаком неудачных государств является отсутствие правительственного контроля над частью или всей территории государства¹³.

Фонд мира (Fund for Peace) предложил собственные показатели, которые указывают на коллапс государственных институтов:

1. Массовое движение беженцев или внутреннее перемещение лиц.
2. Применения политического насилия в качестве мести или с целью удовлетворения узкогрупповых интересов.
3. Территориальная неравномерность экономического развития.
4. Криминализация и/или делегитимизация государственных институтов.
5. Ухудшение качества общественных услуг.
6. Приостановления или произвольная трактовка принципов верховенства права.
7. Вмешательство международного сообщества в форме гуманитарных интервенций¹⁴.

Наличие хотя бы части этих показателей может свидетельствовать о том, что государство со своими институтами теряет свое привилегированное положение в качестве основного источника легитимного насилия, а следовательно, не может гарантировать безопасность, социальное обеспечение и правосудие, что приводит к стремительному росту негосударственных и неформальных институтов, которые заполняют функциональный вакуум от упадка государства.

Политическое насилие, порожаемое неудачными формами государственности, приводит к трансформации государственных институтов, особенно силовых структур и судебной системы, полностью или частично парализует управление, осуществления правопорядка, порождая ситуацию полного хаоса и анархии. Даниэль Тюрер пришел к выводу, что такое насилие характеризуется взрывной динамикой и непредсказуемостью, радикальностью и иррациональностью. Он считает, что международное сообщество должно иметь полностью законное право применить насилие по отношению к таким государствам, если на их территории происходит масштабное нарушение прав человека, или если они своим существованием подрывают безопасность международной системы¹⁵. То есть, мы наблюдаем своеобразное противостояние между правом государства на автономию и правом народа на безопасность.

В условиях неудачной и слабой государственности функции государства приватизируются и используются для удовлетворения групповых, индивидуальных или корпоративных интересов. Методика системного анализа позволяет взглянуть на неудачные формы государственности, как на системы, которые идут по пути упрощения контроля и иерархизации. Упрощение системы приводит к конфликту с окружающей средой, которая наоборот, постоянно усложняется. Это приводит к значительному разрыву между возможностями системы (неудачного государства) и требованиями к ней со стороны внешней среды. В значительной степени специфика политического насилия в неудачных и слабых государствах определяется сетевой структурой власти. Это проявляется в перехвате сетевыми структурами и группировками функций государства. Это приводит к тому, что не государство становится частью сети, а сеть – частью государства. В условиях слабости и нестабильности политических институтов государство начинает функционировать на основе сетевых структур – с неформальными связями и договоренностями, с внутренними нормами и привязанностями.

Авторитетный исследователь Ф. Фукуяма в своей работе «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» попытался проанализировать причины, характер, закономерности и тенденции дальнейшей трансформации политического насилия в условиях неудачных слабых и кризисных государств. Ф. Фукуяма утверждает: «Принципы суверенитета и неприкосновенности национального государства, что являлись основой Вестфальской системы, фактически разрушены и, по сути, их сегодня не соблюдают, поскольку то, что происходит внутри отдельных государств – в их внутреннем

¹³ Helman G. Ratner S. Anarchy rules... P. 3.

¹⁴ Cojanu V., Popescu A. Analysis of Failed States: ... P. 125.

¹⁵ Thurer D. The «failed State» and international law // International Review of the Red Cross. 1999. № 836. P. 731.

управлении – часто оказывает большое влияние и на жизнь других членов международного сообщества»¹⁶.

По его мнению, 11 сентября стало доказательством того, что такие государства превратились в один из главных источников политического насилия и нестабильности в современной международной системе. На их территории осуществляется подготовка и распространение террористических сетей, массово нарушаются и попираются права человека, осуществляется торговля оружием, наркотиками и людьми, что приводит к значительным волнам массовой незаконной миграции и конфронтации с соседними государствами. К слабым и неудачным государствам Ф. Фукуяма отнес: Сомали, Боснию, Руанду, Либерию, Конго, Сьерра-Леоне, Восточный Тимор, Афганистан. Для него, слабость этих государств проявляется в бессилии государства, недостатках его административного аппарата, потере монополии на легитимное применение силы, нелегитимности политической системы в целом. Эрозия государственных институтов порождает новые или способствует узакониванию старых форм политического насилия. Характер угроз, источником которого являющиеся неудачные государства, подрывает принцип суверенитета, потому что растет количество субъектов, которые готовы применить превентивное насилие или осуществить гуманитарные интервенции. Нерешенным остается вопрос о том, кто имеет законное право и при каких условиях нарушать государственный суверенитет таких государств и как это скажется на роли государства в ближайшей перспективе? Слабость, некомпетентность и недееспособность государственных институтов является типичной ситуацией в развивающихся странах, которые превращаются в основной источник социально-политической нестабильности и угроз.

В течение последнего десятилетия наблюдается актуализация проблемы политического насилия на Африканском континенте, что объясняется неэффективностью, коррумпированностью и нелегитимностью главных институтов государства. Большинство миротворческих миссий ООН в странах Африки слабо справляются со своими задачами и не направляют свои усилия на реформирование политических институтов, которые бы способствовали институционализации системы социально-политических отношений. В большом количестве африканских государств ситуация близка к коллапсу, а характерные для данного региона гуманитарные катастрофы и межэтнические столкновения в ближайшем будущем могут стать поводом для международного вмешательства. Однако, решить проблемы слабости государства посредством внешнего вмешательства почти невозможно. Некоторые исследователи, используя преимущества сравнительного анализа, пришли к выводу, что за последние несколько десятилетий процент успешного внешнего государственного строительства был крайне скудным. В частности, Роланд Пэрис проведя сравнительный анализ 11 миссий ООН с 1989 по 1999 годы обнаружил, что только две из них были успешными (Намибия и Хорватия), две были однозначно провальными (Ангола и Руанда), а результаты всех остальных были крайне неоднозначными¹⁷. Другие авторитетные исследователи Н. Самбанис и М. Дойл разделяют это беспокойство и приводят данные собственного сравнительного исследования 121 случая государственного строительства с 1945 по 1999 годы, согласно которому меньше половины из этих попыток привели к установлению политической стабильности и прекращения насилия в недееспособных государствах.

Необходимо понимать, что значительная часть африканских государств не обладают монополией на легитимное применение насилия, в веберовском смысле, что становится причиной стремительной «приватизации» части функций негосударственными группировками и движениями, которые усиливают нестабильность и анархичность в пределах определенного государства или целого региона. По данным исследования 17 африканских государств Афробарометром оказалось, что в среднем 19% граждан этих государств считают приемлемым использование политического насилия для достижения индивидуальных или групповых целей. Оказалось, что в среднем ежегодно 17% граждан этих государств принимают непосредственное участие в актах политического насилия¹⁸.

О распространении политического насилия в слабых и уязвимых государствах свидетельствуют данные из государств Африканского Рога (Эритрея, Эфиопия, Кения,

¹⁶ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 157.

¹⁷ Эдварде Л. Указ. Соч. С. 98.

¹⁸ Kirwin M.F., Wonbin C. Weak States and Political Violence in sub-Saharan Africa // Afrobarometer working papers. 2009. № 111. P. 10.

Сомали, Джибути). По данным Стокгольмского международного института по исследованию мира эти государства постоянно страдают от организованного негосударственного насилия. За 2001-2010 годы на Африканском Роге было зафиксировано 77 негосударственных конфликтов (35% мирового количества), которые порождены недееспособностью и слабостью государственных структур¹⁹.

Для американских экспертов среди африканских государств Сомали выступает в качестве классического примера неудачной государственности. США не хотят, чтобы территория данного государства была местом расположения террористических сетей и источником нестабильности в регионе. Сомали можно рассматривать в качестве типичного примера государства-неудачника, в котором отсутствие центрального правительства вызвало переход власти к частным субъектам политического процесса. Поэтому, политическое насилие в Сомали рассматривается в качестве главной угрозы политико-экономической безопасности и стабильности. В значительной степени это обусловлено сетевой природой насилия в африканских государствах. Незаконные, неконтролируемые и анархические локальные сети играют ключевую роль в процессе контроля частными элементами функциональной структуры государств-неудачников. Из всех недееспособных и слабых африканских государств кризисная ситуация в Сомали является наиболее длительной и острой. В последнее время, мы можем наблюдать постепенную интернационализацию политического насилия за пределы границ данного государства. В первую очередь, это связано с деятельностью террористических, преступных и подпольных движений, которые совершают преступления на территории Кении и Уганды, провоцируя международное сообщество к решительным и жестким действиям.

Выделяют следующие основные политические угрозы от упадка института государства в Сомали:

1. Эскалация внутреннего терроризма (организация «Исламское единство»).
2. Сотрудничество с организациями международного терроризма (связь с Аль-Каидой).
3. Угроза эскалации политического насилия в отношении соседних государств (Эфиопии, Кении).

Природа негосударственного политического насилия в государствах Африканского Рога является типичной и для всего африканского континента. Свидетельством этого является то, что около 80% политического насилия в данном регионе происходит между неформальными организованными этническими, преступными или религиозными группировками. Причиной таких насильственных конфликтов является ограниченность ресурсов, этническая, религиозная или клановая принадлежность граждан.

Выводы. Появление новых форм и проявлений политического насилия стало серьезным вызовом для международного сообщества, которое должно продемонстрировать адекватную реакцию и понимание природы и тенденций трансформации современного политического насилия. В таких государствах, в лучшем случае, работает только исполнительная власть, а законодательная власть, если она вообще существует, становится инструментом в руках исполнительной власти. Граждане неудачных государств значительно чаще становятся объектом политического и уголовного насилия, чем граждане, живущие в условиях стабильной государственности.

THE COLLAPSE OF THE STATE AND THE TRANSFORMATION OF POLITICAL VIOLENCE

V.J. KRAVCHENKO

*Dnepropetrovsk National
University Named
after O. Honchar, Ukraine*

e-mail: Darkliths@rambler.ru

The specific relevant factors of transformation the nature of modern political violence in the crisis and failed state is determined. The main analytical approaches to the problem of interdependence of political violence in failed states and international security are outlined.

Keywords: political violence, transformation, weak and failed states, international security, legitimacy.

¹⁹ Бауманн Й. Організоване насильство на Африканському Розі // СІПРІ 2012: Щорічник: Озброєння, роззброєння та міжнародна безпека. К., 2013. С. 52.